

Московский
педагогический
государственный
университет

Т. В. Карадже

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Москва
2017

Татьяна Карадже

**Политическая
философия. Учебник**

«МПГУ»

2017

УДК 321+1(07)
ББК 87я73

Карадже Т. В.

Политическая философия. Учебник / Т. В. Карадже — «МПГУ»,
2017

ISBN 978-5-4263-0542-7

В книге представлены все разделы политической философии: политическая онтология, политическая аксиология, политическая этика, политическая праксиология, политическая эпистемология. С учетом результатов исследований современного научного знания рассмотрены актуальные проблемы политической философии. При этом основной акцент сделан на анализе генезиса и механизмов формирования политического. Представлена методология исследования политических явлений и процессов.

УДК 321+1(07)

ББК 87я73

ISBN 978-5-4263-0542-7

© Карадже Т. В., 2017
© МПГУ, 2017

Содержание

Введение	6
Раздел I	9
Глава 1	10
1.1. Политическое как объект политического анализа	10
1.2. Политическое пространство: уровни и механизмы расширения	12
1.3. Борьба за политическое пространство в геополитических концепциях	13
1.4. Геополитическое пространство России в однополярной картине мира	20
1.5. Цивилизационная модель политического пространства	22
1.6. Основные направления политической регионалистики	27
1.7. Геоэкономические стратегии освоения и передела политического пространства	29
Глава 2	35
2.1. Хронополитика: содержание и основные направления	35
2.2. Типы времени	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Карадже

Политическая философия: Учебник

Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

Рецензенты:

Б. Ф. Славин, доктор философских наук, профессор кафедры политологии МПГУ

О. Ф. Шабров, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Введение

Современный мир стремительно меняется и в условиях глобализации социальные системы приобретают новые свойства развития. Прогнозы, основанные на принципах классической методологии, становятся ненадежными и недостаточными. Сложность объекта исследования требует иного методологического инструментария, не только базирующегося на результатах фундаментальных и прикладных исследований, но и способного формировать трансдисциплинарные стратегии исследования сложности, самоорганизации и инновационности.

На смену статистической модели мировой стабильности приходит модель динамической нестабильности и нелинейности. Поэтому перспективы развития политической философии как методологического инструментария политической науки сегодня определили результаты исследований неустойчивых систем в области точных и естественных наук. В условиях многовариантности и открытости исторического процесса без должного внимания к развитию политической философии невозможно прогнозировать сценарии будущего и выбирать наиболее эффективные стратегические альтернативы.

Фундаментальные исследования в области политической философии, включающей в себя такие направления, как политическая онтология, политическая антропология, политическая аксиология, политическая праксиология, политическая этика и политическая эпистемология, основываются на междисциплинарных связях, что дает толчок к формированию новых направлений политической науки, таких, как хронополитика, экополитика, глобалистика, политическая лингвистика, биополитика, нейрополитология.

В качестве объекта исследования политической философии употребляется прилагательное «политическое», что не только фиксирует незавершенность, открытость и полемичность содержания данной дефиниции, но и необходимость его постоянного уточнения с учетом новых знаний о закономерностях развития политического бытия и политического сознания.

Важной проблемой политической онтологии является исследование политического пространства/времени. За последние десятилетия политическое пространство не только расширилось – оно качественно изменилось, а инструментом его расширения становятся новые технологии. В то же время политическое пространство, демонстрируя разнообразие развития, проявляет повышенную чувствительность к ходу времени. Признание активной роли времени, наряду с активной ролью материи, становится знаком новой парадигмы. В этой связи разработка методологического аппарата хронополитики, как составляющей политической философии, весьма актуальна.

Современный методологический инструментарий хронополитики позволяет увидеть различные изменения политического – фазовые переходы, бифуркации, усложнения, иерархические перестройки, порождающие собственное политическое время. Исследование различных свойств политического времени, среди которых принципы темпоральности, системных связей, способных на резонансное содействие и синхронизацию, открывает новые возможности политического прогнозирования.

В рамках политической философии исследуется вопрос о соотношении политической реальности и политического сознания, рационального и иррационального. Новейшие исследования в области генетики, нейрокогнитологии, искусственного интеллекта, политической философии способствуют активному распространению различных технологий манипуляции общественным сознанием. Поэтому проблема исследования механизмов воздействия на общественное сознание становится одной из важнейших проблем политической онтологии.

Утрата институтом государства своих традиционных функций и появление новых субъектов политики ставят вопрос о новой институциональной матрице современного политиче-

ского пространства. Каковы перспективы дальнейшего развития института государства и его взаимодействия с различными субъектами глобального политического процесса? Эти проблемы исследуются в рамках политической антропологии, учитывающей новые научные достижения и опыт политической практики.

Надо отметить возрастающий интерес к биополитике. Согласно антропологическим исследованиям не только социальный опыт программирует поведение человека, его программирует даже совсем уж отдаленный опыт, зафиксированный в поведенческих инстинктах. В этой связи объяснимо пристальное внимание политологов к исследованиям общественного поведения животных, позволяющего выявить эволюционно-древние механизмы распознавания «свой – чужой»; механизмы, регулирующие восстановление социального равновесия и определяющие различные стили доминирования – подчинения; механизмы корреляции и взаимозависимости агрессивности и внешней среды. Можно предположить, что результаты исследований политической антропологии, биополитики, биосоциологии и этологии позволят выявить глубинные этологические и физиологические основания политического поведения.

В рамках политической философии развивается политическая аксиология, исследующая ценностные основания политики. Мир политического – это, по выражению К. Шмитта, мир «различения друга и врага», а критерием различения являются ценностные ориентиры. Реструктуризация современного мира происходит, прежде всего, по ценностным критериям. Идеологические, цивилизационные, культурологические, религиозные, национальные противоречия – это противоречия ценностных систем. В центре исследований современной политической аксиологии выявление механизмов формирования ценностных систем, их развития и трансформации.

Следующим разделом политической философии является политическая этика. Политической наукой давно обсуждается вопрос соотношения морали и политики, который перешел научные и публицистические рамки и стал вопросом политической практики. Каковы критерии нравственных оснований политики и политической деятельности и чем они определяются? Политическая философия учитывает особенности функционирования морали в политическом пространстве и разрабатывает такие направления, как этика политических институтов, этика международной политики, этика глобализма, этика войны, этика легитимного насилия, этика сопротивления и гражданского неповиновения.

Современная политическая праксиология исследует политические действия, механизмы и формы эффективного управления социальными системами и регулирования политическими процессами. В условиях глобализации формируются не только различные управленческие метатехнологии, технологии внешнего управления, но и различного рода манипулятивные технологии. Активно используемые в мировой политической практике технологии «цветных» революций и «гибридных войн», стратегии «управляемого хаоса» и «внешнего управления» еще раз подтверждают значимость этой проблемы. Чтобы понять, как формируются и применяются новые управленческие технологии в интересах определенных групп, а также механизм их воздействия на политическое сознание, активно ведутся исследования в рамках политической праксиологии.

Задача политической эпистемологии – сформировать методологический инструментарий, позволяющий рассматривать политическое как составляющую открытой неравновесной и глобальной системы и использующий научный потенциал, накопленный в различных областях знания. Формирование трансдисциплинарных когнитивных стратегий – задача современной политической эпистемологии.

Особое место в политической эпистемологии также занимает проблема исследования политического языка. Отсутствие понятийной точности политического языка влечет за собой взаимное непонимание и отчуждение, приводит к расколу политических сил и неэффективному функционированию государственной власти.

Трудно найти такую же область человеческой деятельности, как политика, где так жестко сталкивались бы противоположные интересы, где достижение собственной цели возможно было бы за счет ущемления интересов других. Именно здесь рождаются и формируются теории и идеологии, легитимизирующие власть, силу, собственные узкогрупповые интересы, и поэтому политическая наука не сможет развиваться как наука, если она не будет опираться на политическую философию, цель которой – выявление должного, а не констатация и легитимация сущего политического порядка.

Политическая философия – это «область пересечения философии и политической науки», где вопросы, осмысляемые политической философией, становятся областью политического, а ответы – формой философской рефлексии по поводу того, как должно¹.

¹ См.: Гаджиев К. С. Политическая философия. – М.: Экономика, 1999. – С. 23.

Раздел I

Политическая онтология

Политическая онтология – учение о формах и способах существования и развития политического, политического пространства/времени и типах политического детерминизма.

Понятие «политическое» в политической философии стоит в одном ряду с такими понятиями, как «политическое бытие», «политическое пространство», поэтому часто рассматриваются и используются как синонимы. Однако это научно некорректно, поэтому имеет смысл это более подробно рассмотреть.

Политической онтологией политическое бытие рассматривается как состоящее из двух уровней: уровень *возможности* политического бытия и уровень *действительности* политического бытия. *Возможность или потенциальное политическое бытие* обладает статусом политического существования и есть политическое сознание. *Действительность или актуальное политическое бытие* есть политическая реальность.

По способу существования политическое бытие разделяется на *институциональную сферу, политические отношения и политическое сознание.*

Основные политические институты обеспечивают воспроизводство, стабильность и регулирование политической деятельности, развитие политических процессов, а также отвечают за социальные политические связи внутри и вне общества, контролируют социально-политический порядок.

Политические отношения – это взаимодействия субъектов политики по поводу обладания, исполнения и придания нужной направленности политической власти. Субъектами политических отношений выступают отдельные индивиды, группы, организации, институты и государство. Выделяются отношения управления, компромисса, консенсуса, кооперации, солидарности, соперничества, конфликта, вражды, войны и т. д.

Политическое сознание имеет сложную многомерную структуру: политическое сознание как совокупность теорий, идей, взглядов, представлений, выражающих отношение людей к политическому режиму, к деятельности политических институтов и лидеров; политическое бессознательное как составляющая человеческой психики, находящейся вне прямого рассудочного контроля и охватывающей психоэмоциональный опыт предшествующих поколений и их отношения к власти и сохраняющейся в форме архетипов – эмоциональных моделей.

Политическое пространство в качестве формы существования политического бытия рассматривается политической философией как *место*, где разворачиваются политические процессы, как *цель* политических действий и как *средство* для достижения конкретных политических целей.

Содержание понятия «политическое» нельзя свести к политическим процессам, политическим отношениям, политическим институтам, политической культуре, политическому сознанию. Оно фиксирует не только совокупность составляющих политического бытия, их взаимодействие и отношения, свойства и механизмы политизации других сфер общественной системы, но и акцентирует внимание на незавершенности научно-рациональных, идеологических, мифологических представлений о политике, необходимости их постоянного уточнения и расширения с учетом новых научных знаний о закономерностях развития политического бытия.

Глава 1

Политическое как понятие и феномен

1.1. Политическое как объект политического анализа

Одним из универсальных и обладающих высокой степенью значимости понятий, по поводу которого вот уже несколько десятилетий не утихают научные дебаты, является понятие «политическое». И это вполне объяснимо – речь идет о понятии, определяющем предметное поле политической науки. В политической философии не случайно в качестве основного понятия, определяющего объект политической науки, употребляется прилагательное. Сегодня завершился процесс субстантивации понятия, и оно стало использоваться в качестве существительного. Субстантивация прилагательных предполагает меньшую конкретность их значения по сравнению со значением существительных, акцентируя внимание на их смысловой незавершенности, требующей дальнейшего уточнения. И в этом отношении «политическое» в большей степени, чем другие понятия политической науки, отражает динамичность и незавершенность наших представлений о политической сфере, ее свойствах, формах и механизмах развития.

Сложность анализа «политического» не только в том, что оно постоянно развивается и трансформируется, но и в том, что далеко не всегда методологический инструментарий может исследовать и отразить эти изменения. Можно сказать, что различные теории и концепции политической науки, всего лишь отражают различные этапы развития как самого феномена политического, так и уровень развития методологического аппарата политической науки.

Политическое многогранно и многоуровнево, обладает как проявленными, так и непроявленными свойствами. Его структура представлена двумя уровнями: актуализированное (проявленное) политическое и потенциальное политическое. Вычленение политического как актуализированной формы в качестве самостоятельного существования произошло на определенном этапе исторического развития общественной системы и связано с появлением управленческих институтов, институтов легитимного насилия, политического сознания и политической культуры. На этом этапе формируются институты, организационные формы, процессы и отношения, за которыми стоит власть с функциями управления, реализации общественно значимых целей и сохранения порядка на основе легитимного насилия.

Потенциальное политическое – это область общественного сознания, поведения и отношений, которые при определенных обстоятельствах могут быть политизированы на основании глубоко укорененных механизмов различения «свои – чужие»/«друг – враг»; это внутренние свойства общественных систем, способствующие актуализации и проявлению политического.

Масштабный по своему размаху процесс политизации различных сфер общественной жизни стал устойчивой тенденцией в условиях современного мира и свидетельствует о процессе расширения политического. Политизация проявляется в том, что политический характер приобретают общественные процессы и явления, которые, по своей природе не являясь политическими и находясь вне политической сферы, становятся либо средствами для достижения политических целей, либо объектом воздействия со стороны политических сил. Данные процессы особенно активно развиваются в условиях нарастания в обществе социальных и экономических кризисов. Политизация означает, по сути, перетекание проблемы из социальной, экономической или какой-либо иной сферы, в политическую. Политизируются экономические, культурные, правовые, административные, религиозные, нравственные и иные феномены. «Политический статус проблемы означает ее наивысший накал, обостренную общественную значимость и актуальность, неспособность субъектов принятия решений справиться

с ней с помощью привычных методов и практик»². Необходимо отметить, что процессы политизации могут носить как продуктивный, так и контрпродуктивный характер для развития общественных систем.

Границы политического весьма условны, изменчивы и обусловлены возникновением/утратой проблемы политической актуальности и общественной значимости. Мы постоянно наблюдаем диалектический процесс перехода актуальной формы политического в потенциальную форму его существования, что не означает его уничтожения, а лишь переход в иную латентную форму, затем вновь актуализирующуюся в период обострения общественных проблем. Именно процессы политизации и деполитизации представляют собой диалектическое единство и определяют условность и неустойчивость границ политического.

Важным свойством политического является амбивалентность, отражающая диалектическое взаимодействие составляющих его характеристик. Как уже отмечалось, существенными характеристиками политического являются установка «свой – чужой»/«друг – враг» и выстраивание асимметричных взаимоотношений господства – подчинения. Но это всего лишь проявление одного из свойств политического, определяющее его конфликтогенную составляющую. Другая составляющая политического, напротив, имеет своим основанием и своей целью всеобщую взаимосвязь социальных групп, институтов, различных сфер деятельности людей, обеспечение единства общества, разделенного на разнородные группы и классы. В этом контексте, когда говорят об интегрирующей роли политического, не в последнюю очередь имеется в виду общеобязательность решений властных институтов, использующих управленческие, правовые и силовые ресурсы государства для регулирования жизнедеятельности общественных систем.

Политическое, обладая свойствами амбивалентности и инклюзивности, открыто влиянию среды, с которой оно вовлечено в процессы обмена и из которой получает важнейшие стимулы для своего развития. Как открытая самоорганизующаяся система, постоянно обмениваясь с окружающей средой информацией и ресурсами, оно имеет как «источники» – зоны подпитки энергией окружающей среды, действие которых способствует наращиванию его структурной неоднородности, так и «стоки» – зоны рассеивания, «сброса» энергии, в результате действия которых происходит сглаживание структурных неоднородностей в системе. Процессы политизации и деполитизации демонстрируют это достаточно ярко.

В связи с определением политического как открытой системы, расширяется и понимание системных свойств политического: наряду с такими традиционными характеристиками системы, как место, целостность, иерархическая многоуровневость, структура, появляются новые характеристики: нелинейность, потенциальность, критическое поведение. Нелинейность порождает своего рода квантовый эффект – дискретность путей эволюции политического. Нелинейность процесса и выбор альтернативы развития форм политического детерминируются множеством факторов, определяющих такие свойства политического, как дивергентность (рост разнообразия), так и конвергентность (свертывание разнообразия). Учитывая процесс самоорганизации, развитие политического носит бесконечно сложный характер и способно генерировать множество разнообразных и конкурентных идей, дающих возможность создавать новые модели развития будущего.

Особенность развития политического – это детерминированность целью и стратегиями развития, их наличием/отсутствием.

Политическое, демонстрируя неустойчивость и разнообразие развития, проявляет повышенную чувствительность к ходу времени. В условиях глобального мира характер и динамика развития политического кардинальным образом изменяется. Синергетический подход открывает новый путь понимания различной динамики политических процессов.

² Данилов М. В. Явление «политизации» в современном обществе: постановка исследовательской проблемы // Известия Саратовского университета. – 2009. – С. 92.

Необходимо отметить еще одно свойство политического – политемпоральность. Политическое представляет собой одновременно множество темпоральных потоков зачастую, противоположных по своей направленности. Это временные потоки различных цивилизаций, культур, поколений, а также социальных, профессиональных, религиозных, национальных групп, у каждой из которых свой ритм проживания и свое ощущение времени, свое отношение к политической реальности. Эволюция политического представлена не в виде едионаправленной и равноускоренной эволюции, а как множество разнообразных эволюционных и темпоральных потоков, взаимодействие которых порождает новые противоречия и усиливает турбулентность политических процессов. Исследование, не принимающее в расчет фундаментальные различия в восприятии времени различными социальными системами, всегда будет приводить к неверным выводам³.

Можно сделать вывод о существовании различных измерений и, соответственно, о многомерном характере феномена политического, которое невозможно исследовать с помощью четко очерченной схемы. Любая попытка исчерпывающе определить его содержание неизбежно терпит крах, что вполне обосновано и продиктовано логикой развития политического. Важно учитывать, что все рассмотренные подходы, несмотря на кажущуюся противоположность, всего лишь отражают различные аспекты политического, взаимодополняя и расширяя его понимание.

В различных областях научного знания, начиная с этологии, генной инженерии, исследующих поведенческие инстинкты, и заканчивая мировой политикой и глобалистикой, ведутся исследования, позволяющие расширять представления о свойствах и принципах развития политического. Пришло понимание того, что «политическое» не только фиксирует процессы и свойства политического бытия, но и отражает уровень научного инструментария, ситуационные идеологические установки, противоречивость научно-рациональных представлений о политике.

Рассматривая политическое как предметное поле политической науки, возможно дать следующее определение: политическое, это открытая – постоянно претерпевающая изменения и способная к самоорганизации система, обладающая свойствами инклюзивности, амбивалентности, политемпоральности и взаимодействующая с другими сферами общественного бытия по поводу завоевания, использования и удержания политической власти.

1.2. Политическое пространство: уровни и механизмы расширения

Политическое пространство – это многоуровневый, многомерный мир, в котором развиваются политические отношения по поводу завоевания, использования и удержания власти.

Уточним, что в данном случае речь идет о политическом пространстве как месте существования политического бытия, о *топографическом измерении* политики.

Вряд ли что еще имеет более важное значение для жизни этноса и государства, чем пространство. Это не только место, где проживает этнос, где формируются политические институты, где добывают и используют ресурсы, это «жизненное пространство», которое во многом определяет особенности ментальности народа, его культуры. Борьба за пространство в большинстве случаев является главной причиной войн и конфликтов в истории человечества.

В зависимости от рассмотрения политического пространства как цели или как средства условно можно выделить несколько его уровней по следующим критериям:

³ Карадже Т. В. Проблема определения политического в политической науке // Вопросы политологии. – М., 2013. – С. 7.

на политическом пространстве находятся политические субъекты; за политическое пространство ведется борьба;

посредством политического пространства осуществляются политические цели.

Вначале *политическое пространство* ограничивалось сушей, однако с развитием флота политическое пространство расширяется, так как контроль морского пространства увеличивал шансы на политическое лидерство.

XX столетие кардинально изменило представление о политическом пространстве, которое стало трехмерным благодаря появлению авиации. Воздушное пространство оказалось основной ареной столкновения интересов крупных мировых держав, а развитие военной авиации – приоритетной задачей военной промышленности государств-лид еров.

Однако уже во второй половине прошлого века генеральным направлением в военных стратегиях стало развитие космических технологий. Борьба за контроль над политическим пространством расширилась до космических размеров. Космическое пространство превратилось в арену демонстрации военной и политической мощи сверхдержав.

Но вскоре информационные технологии качественно изменили представление о принципах функционирования политического. Виртуальное пространство не только стало оказывать воздействие на политическую реальность, оно стало его конструировать.

Политическое пространство, таким образом, структурно можно представить как состоящее из следующих уровней:

наземный уровень; водный уровень; воздушный уровень; космический уровень; геоэкономический уровень; информационный уровень.

Надо отметить, что в дальнейшем по мере развития новых технологий, эта структура будет дополняться новыми уровнями.

Теоретически можно выделить следующие взаимосвязи пространства и политики:

влияние пространства на формирование культуры, этноса, государства и его политического устройства;

пространство как цель политических интересов, отсюда геостратегические задачи, определяющие внешнюю политику, форму и механизмы расширения территории и защиты границ; пространство как политический регион;

пространство как цивилизационное пространство, где границы этих образований определяются социокультурным и религиозным факторами; пространство как территория государства, задачей которого является:

а) обеспечить безопасность, отсюда стратегия укрепления геостратегических зон и регионов;

б) согласование интересов и контроль федерального центра за деятельностью административно-территориальных единиц в целях сохранения устойчивости государства и укрепления его безопасности; воздушное, космическое, информационное и геоэкономическое пространство как место столкновения политических интересов.

Политическое пространство изучается геополитикой, геоэкономикой, военными науками, политической регионалистикой, политической глобалистикой, мировой политикой.

Чтобы проиллюстрировать вышеизложенное, обратимся к концепциям, в которых отражена взаимосвязь пространства и политики.

1.3. Борьба за политическое пространство в геополитических концепциях

Впервые проблема влияния географического фактора на политику поднималась в работах Платона и Аристотеля, позже Ж. Бодена, Ш. Монтескье. Они рассматривали влияние кли-

мата, географической среды, особенности почвы как основные факторы в формировании государства, его политических институтов и политического строя.

В своей знаменитой работе «О духе законов» Ш. Монтескьё выявил взаимосвязь между особенностями территории, на которой проживает народ, и его характером: «Бесплодие земли делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне; ведь они должны сами добывать себе то, в чем им отказывает почва. Плодородие страны приносит им вместе с довольством изнеженность и некоторое нежелание рисковать жизнью»⁴. Монтескьё также считал, что особенности климата и почвы определяют и особенности политической системы. Так, например, в местах, где климат наиболее благоприятен для занятия сельским хозяйством, народы менее дорожат своей политической и гражданской свободой, и главной ценностью для них становится безопасность. «В стране с подходящей для земледелия почвой, естественно, устанавливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть ее населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими частными делами. Деревня, которая изобилует всеми благами, боится грабежей, боится войска...»⁵.

В XIX в. проблема географического фактора получила дальнейшее развитие в работах французского историка Ж. Мишле, отмечавшего, что понятие «земля» носит более расширенный характер, и это не только «театр действия, где оказывают влияние пища, климат, но и влияют самым разным образом гнездо, птица, родина, человек»⁶.

В XX в. данная проблема нашла свое продолжение в различных теориях, среди которых теория этногенеза Л. Гумилева, согласно которой «в основе этносов лежит не похожесть особей его составляющих, а связи, цементирующие коллектив и простирающиеся на природные особенности населяемого данным коллективом ландшафта»⁷. Разнообразие ландшафта является фактором, определяющим их взаимодействие: «Степные просторы... всегда были удобны для развития скотоводства. Поэтому в Восточную Европу переселялись азиатские кочевники... Они вступали в военные и хозяйственные контакты со славянами, хозяйство которых базировалось на лесных массивах. Однако кочевое хозяйство не может существовать вне связи с земледельческими, потому что обмен продуктами одинаково важен для обеих сторон. При постоянном взаимодействии «истории природы и истории людей» – Леса и Степи – русичи выступали как представители Леса, который не только кормил, давал материал для сооружения жилищ и поселений (деревня – дерево), но и позволял укрыться от конницы неприятеля»⁸.

На рубеже XIX–XX вв. сформировалась геополитика как наука, изучающая политические процессы в их пространственном взаимоотношении.

Это географически интерпретированная политическая доктрина, отражающая сложную зависимость и связь внешней и внутренней политики государства с его географическим положением – климатом, природными ресурсами, территорией и т. д.

Геополитика главное внимание направляет на изучение возможностей активного использования политикой факторов физической среды и воздействия на нее в интересах безопасности государства. И это прежде всего территориальные проблемы государства, его границы, использование и распределение ресурсов, включая и людские. В геополитической науке пространство стало рассматриваться как фактор, обуславливающий особенности внешней и внутренней политики.

⁴ Монтескьё Ш. Избр. произв. – М., 1955. – С. 394.

⁵ Там же. – С. 393.

⁶ Prelot M. Sociologie politique. R, 1973. – P. 80.

⁷ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 152.

⁸ Там же.

Обратимся к основным геополитическим концепциям, но не для пересказа их содержания, – достаточно полно и интересно они изложены в работах отечественных авторов⁹, на которые мы опирались в настоящем исследовании, а для того чтобы акцентировать внимание на следующих аспектах:

представить этапы и уровни освоения и расширения политического пространства, сформировавшегося к началу XXI в.;

обратить внимание на то, как в геополитических концепциях отражается представление о целях развития государства;

подчеркнуть, что Россия всегда была предметом особого геополитического интереса со стороны стран, претендующих на мировое лидерство.

Руководствуясь этой задачей, обратимся к истории геополитики.

Один из основателей геополитики, немецкий ученый Фридрих Ратцель (1844–1904), сформулировал основные направления геополитики и определил содержание основных понятий, одним из которых стало «пространство». «Пространство» Ратцеля – это не только место проживания народа и нахождения государства, но и особое «живое» пространство, дающее народу жизненную энергию. Как «живой организм» оно самодостаточно и имеет свой особый смысл существования, отсюда теория «пространственного смысла». По его мнению, такие пространственные характеристики, как местоположение, площадь территории, границы, определяют не только исторические и политические особенности развития государства, но и, в конечном счете, само его существование.

Согласно этой теории, государство – это прежде всего пространственное образование, и именно пространство является детерминирующим фактором его существования и развития. «Как показывают этнография и история, – писал Ф. Ратцель, – государство развивается на пространственной базе, все более и более сопрягаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством»¹⁰. «Государство является организмом... Эта связь (*территории и государства*) взаимоукрепляется, становясь чем-то единым, немислимимым без одного из двух составляющих. Обитаемое пространство... способствует развитию государства, особенно если это пространство окружено естественными границами. Если народ чувствует себя на своей территории естественно, он постоянно будет воспроизводить одни и те же характеристики, которые, происходя из почвы, будут вписаны в него»¹¹.

Как любому живому организму, государству присуща тенденция роста, которую Ф. Ратцель считает «всеобщей, универсальной тенденцией», естественной и необходимой для жизни. Рост или территориальная экспансия – необходимое условие расширения, а развитие контактов людей, обмен, торговля – прелюдия к установлению политического контроля над новыми территориями. Торговля и война – вот основные формы территориального расширения государства как живого и развивающегося организма, а активная завоевательная стратегия естественна и необходима.

В своей теории Ф. Ратцель обосновывает необходимость контроля над морским пространством как условие роста государства и считает, что пространственное расширение государства возможно при наличии мощных военно-морских сил в качестве основного ресурса в решении политических задач государства. По его мнению, государство, не имеющее выхода к морю, лишается возможности участвовать в борьбе за политическое лидерство.

Идеи Ф. Ратцеля были развиты в трудах Рудольфа Челлена (1864–1922), которому принадлежит термин «геополитика». В работе «Государство как форма жизни» он рассматривает

⁹ См.: *Нартов Н. А.* Геополитика. – М.: ЮНИТИ, 2004.

¹⁰ *Ратцель Ф.* Человечество как жизненное явление на земле. – М.: Книжное дело, 1901. – С. 131.

¹¹ Там же. – С. 131.

государство «как мыслящее и чувствующее существо, подобное людям», которому присущи все свойства человеческого организма: «Государства также существуют на поверхности земли благодаря собственной жизненной силе... находясь в состоянии борьбы за существование, они рождаются и вырастают, мы видим также, как они, подобно другим организмам, увядают и умирают». Борьба за выживание является сущностью государства-организма.

Война – всего лишь естественное продолжение борьбы за территорию, и вполне естественно, что крупные государства расширяют свое пространство за счет малых стран. Р. Челлен сформулировал основной тезис геополитики, ставший принципом действия великих держав: «Великие державы являются экспансионистскими государствами». По мнению ученого, нравственные оценки завоевательной стратегии в международной политике неуместны, так как именно борьба за политическое могущество определяет смысл и назначение государства. Как последствия этой борьбы «малые государства или вытесняются на периферию, или сохраняются в пограничных районах, или исчезают. И понятия справедливости или несправедливости здесь не должны применяться»¹².

Р. Челлен сформулировал положение о трех основополагающих принципах глобальной геополитики: расширение пространства, территориальная монолитность и свобода передвижения. Уделяя особое внимание анализу России и отмечая такие ее преимущества, как большая территория и монолитность государства, он обращал внимание на такой фактор, как ограниченный доступ к теплым морям, уменьшающий ее геополитические возможности. В отношении России как активного субъекта мировой политики Р. Челлен предлагает проводить политику дальнейшего ограничения доступа к морскому и океаническому пространству.

Влияние географического пространства на формирование культуры и менталитета народов рассматривал английский ученый Дж. Макиндер (1861–1947). Он условно разделил все пространство планеты на два основных полюса – «суша» (Евразия, континент, «срединная земля») и «море» (океаническое пространство, омывающее евразийский материк, плюс острова, в нем расположенные).

«Море» рассматривается как «морская цивилизация», обладающая культурно-историческими особенностями и отличающаяся от «суши», прежде всего, своими мировоззренческими установками. «Тевтонцы цивилизовались и приняли христианство от римлян, славяне же – от греков. Именно романо-тевтонцы впоследствии плыли по морям; и именно греко-славяне скакали по степям, покоряя туранские народы. Так что современная сухопутная держава отличается от морской уже в источнике своих идеалов, а не в материальных условиях и мобильности»¹³.

«Суша» и ее культурный тип прямо противоположны «морю» во всем. Это цивилизация, ориентированная на традиционные связи и устойчивую систему духовно-нравственных ценностей, отличающаяся консерватизмом социально-политических структур. По Макиндеру, история последних веков – это война между «сушей» и «морем» за политическое лидерство. Он вводит понятие «сердце мира» или «хартленд», как центр материка, и рассматривает его как наиболее удачную территорию для контроля над всем миром.

По его мнению, «сердцем мира», или осью мира, вначале была Центральная Азия, откуда влияние ее было распространено на Запад. Позже ситуация изменилась, и именно приморские государства стали контролировать большую часть мирового пространства, однако в XX в. с развитием транспортных технологий ситуация вновь изменилась. Страны, не доступные морским державам, определили новые границы «хартленда». Причины непобедимости «хартленда» в невозможности контроля морским флотом этой зоны, поэтому попытки покорить огромные территории «хартленда» заканчивались крахом. «Хартлендом», по мнению Дж. Макин-

¹² Цит. по: *Нартов Н. А.* Геополитика. – М.: ЮНИТИ, 2004. – С. 56.

¹³ *Макиндер Дж.* Географическая ось земли // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 25.

дера, была Россия. «В этом мире она занимает центральное стратегическое положение... она может по всем направлениям, за исключением севера, наносить, а одновременно и получать удары». «Кто управляет Восточной Европой, тот управляет "хартлендом". Кто управляет "хартлендом", тот командует "миром-островом". Кто управляет "миром-островом", тот командует всем миром»¹⁴.

Выводы Макиндера: чтобы помешать России контролировать «мир-остров», морским державам необходимо объединиться для противостояния России. Отсюда идея «санитарного кордона» вокруг России как наиболее эффективная геополитическая стратегия.

Далее А. Мэхен (1840–1914) сформулировал концепцию «морского могущества» США, реализовавшуюся в конце XX – начале XXI в. Главный тезис этой теории – «победит тот, кто обладает морем». Морская торговля – это всего лишь начало морской экспансии. Он видит прямую связь между оживлением торговли, развитием военного флота и расширением контролируемого мирового пространства. В работе «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику» А. Мэхен вводит в оборот понятие «прибрежные нации» и отмечает: «Политика изменялась как с духом века, так и с характером и проницательностью правителей, но история прибрежных наций определялась не столько ловкостью и предусмотрительностью правительств, сколько условиями положения, протяженностью и очертаниями береговой линии, численностью и характером народа, т. е. вообще тем, что называется естественными условиями».

На территории мирового пространства он выделил особую «зону конфликта», в которой, по его мнению, неизбежно, вне зависимости от воли конкретных политиков, сталкиваются интересы «морской империи», контролирующей океанские просторы, и «сухопутной державы», под которой он подразумевал Россию. Морская империя, чтобы выжить, должна отбросить континентальную державу как можно дальше вглубь Евразии. Империи необходимо завоевать прибрежную территорию и поставить ее под контроль, для чего надо окружить противника кольцом военно-морских баз.

Стратегическая задача политики США, по мнению А. Мэхена, состоит в том, чтобы, заняв ведущие позиции в мировой экономике, выдвинуть идеологическую концепцию, соответствующую государству-гегемону, а затем установить полное мировое господство. Осуществить это возможно при условии устранения опасности, которую представляет Россия. Борьба «с непрерывной континентальной массой Русской империи, протянувшейся от Западной Малой Азии до японского меридиана на Востоке», – главная стратегическая задача, требующая много времени и средств. И А. Мэхен разрабатывает стратегию «анаконды», задачей которой является «удушение» потенциально опасного региона.

Для успешной реализации геополитической стратегии «анаконды» США, Великобритании, Германии и Японии следует объединиться против России и Китая. Эта стратегия активно применялась во время мировых войн, начиная с Первой мировой. Во Второй мировой войне «анаконда» душила «Срединную Европу» и Японию. США в этот период реализовали стратегически важную цель – ослабление двух опасных для них соперников: СССР и Германии. Войска США – союзника СССР – были задействованы, когда исход войны был предрешен успехами советской армии, однако советское государство понесло огромные потери и не могло представлять серьезной опасности для США, претендовавших на контроль над Западной Европой. Но с наибольшей силой эта стратегия реализуется в настоящее время, свидетельством чего является установка военных базы по периметру границы России.

Американский ученый Н. Спайкмен (1893–1943) – последователь теории Мэхена и сторонник применения силы в борьбе за политическое лидерство, выделяет три крупных центра мировой мощи: атлантическое побережье Северной Америки, европейское побережье и Даль-

¹⁴ Макиндер Дж. Географическая ось земли // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 27.

ний Восток Евразии и допускает возможность четвертого центра в лице Индии. Из всех трех евразийских регионов Спайкмен считал особо значимым для США европейское побережье, поскольку Америка возникла в качестве трансатлантической проекции европейской цивилизации. Усиление союза США с Великобританией для противопоставления Германии и России, по его мнению, должно быть приоритетным направлением в международной деятельности.

Доктрина Спайкмена адаптирована к политическим реалиям середины XX столетия и последовательно продолжает развитие стратегии «анаконды», согласно которой основной задачей США должна стать организация жесткого берегового контроля Европы, арабских стран, Индии, Китая и всей Юго-Восточной Азии, что окончательно закрепит мировое лидерство США.

Контроль над «маргинальным полумесяцем», или евразийским «Римлендом» – полосой, тянущейся от западной до восточной окраины Евразийского континента и охватывающей огромную сухопутную массу, начиная от Англии и заканчивая Японией, позволяет удерживать стратегические позиции. Формулу Макиндера Спайкмен заменил своей: «Тот, кто доминирует над Римлендом, доминирует над Евразией, а тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках»¹⁵.

Согласно теории Спайкмена о мировой экспансии США, для сдерживания возрастающей мощи мировых центров и для контроля над «Римлендом» США должны создавать новые военные базы соответствующей ударной дистанции. По мнению Спайкмена, необходимо сформировать политическое образование, которое должно быть выразителем идей США в Европе. Речь идет об объединенной Европе как приатке США, роль которой должна сокращаться. Власть на континенте постепенно будет переходить под контроль США.

К. Хаусхофер (1869–1946), автор концепции «континентального блока», предложил свое видение мировой политики и целей государства. Он разделял точку зрения относительно того, что сила должна быть основным и решающим средством решения мировых проблем, и полагал, что главной задачей государства является борьба за расширение жизненного пространства, а наиболее эффективным способом расширения – поглощение более мелких государств. Ко всем народам, считал политик, следует подходить с позиции силы. В связи с этим Хаусхофер смотрел на господство Германии над малыми государствами-соседями как на неизбежное и необходимое условие ее развития.

Задача Германии, по мнению Хаусхофера, – объединение в единый союз Германии, Японии и России для отпора морским державам, в частности США, затем экономическое проникновение в Россию и ее полное подчинение. Была разработана концепция «большого пространства», долженствовавшая стать серьезным препятствием для американской экспансии, которую политик считал серьезной угрозой миру.

Появление новых технологий в военной области обусловило применение иного подхода к проблемам геополитики. Создание новых типов вооружений – вначале стратегических бомбардировщиков, а затем межконтинентальных крылатых ракет – заставило по-новому рассматривать дальнейшую стратегию освоения пространства. Стали разрабатываться новые концепции, где воздушное и космическое пространство стало рассматриваться как арена столкновения политических интересов¹⁶.

Поворотным моментом в освоении политического пространства стало появление ядерного оружия, обеспечивавшего странам, им обладающим, военное и политическое превосходство. Ядерное противостояние происходило достаточно длительное время, однако понимание того, что в ядерной войне победителей не будет, заставило искать новые подходы в реализации политических интересов и проводить их в жизнь невоенными средствами: экономическими,

¹⁵ Макиндер Дж. Географическая ось земли // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003.-С. 43.

¹⁶ См.: Нартов Н. А. Геополитика. – М.: ЮНИТИ, 2004.

политическими, информационными. Кроме того, активное развитие мировой транснациональной экономики обусловило понимание того, что решить проблемы политического характера возможно без физического захвата территории.

В последующие годы стремительное развитие информационной сферы стирает географические границы, обуславливает новые подходы к формированию теорий и концепций, определяющих стратегию расширения политического пространства. И уже в концепциях, обосновывающих наступательные стратегии, разрабатываются технологии контроля над всеми уровнями политического пространства: наземным, водным, воздушным, космическим и информационным.

США последовательно продолжали линию атлантизма в отношении достижения мирового господства и предложили ряд новых концепций, среди которых была впервые озвучена идеология «нового порядка». Для оптимизации «нового порядка» нужен строгий контроль над источниками сырья, нужны огромные пространства, закрытые для западного хозяйства и контроля, потенциал которых в силу исторических обстоятельств был не только недоступен, но и служил к тому же стратегическому сопернику.

Однако общеизвестно, что удержание статуса мирового политического лидера требует колоссального экономического напряжения и постоянного военного вмешательства, что чревато негативными последствиями для развития империи и может обернуться для нее крахом. В связи с этим освоение новых эффективных технологий, среди которых приоритетное значение придается контролю над информационным пространством, становится решающим этапом в завоевании политического пространства и контроле над ним.

Информационная эпоха обеспечила подлинную глобализацию, позволившую перейти к глобальному управлению в режиме реального времени, помимо и поверх государственных границ. Информационное пространство объединило разновременные потоки реального мира, а глобальное управление перестало быть мифом.

Информационное общество усилило значение информационной политики, обусловило формирование новой доктрины борьбы за политическое пространство, соответствующей эпохе Интернета.

Результатом освоения информационного уровня политического пространства стала ноополитика. Термин «ноополитика» относится к политическому измерению ноосферы, или глобальной информационной среды, охватывающей киберпространство и все остальные информационные системы. В мире, характеризующемся глобальным уровнем взаимозависимости и формирующемся информацией и коммуникациями, способность воздействовать на информационные потоки и сообщения СМИ превращается в важный инструмент установления политического лидерства. М. Кастельс отмечает, что политики стали гораздо более искусно воздействовать на умы людей во всем мире путем использования ноосферы, т. е. через системы коммуникации и репрезентации, внутри которых происходит формирование понятий и выработка моделей поведения¹⁷.

Информационные технологии изменили также традиционные представления о ведении военных действий. Прежде всего в техническом отношении: электронные средства коммуникации, разведывательные системы, беспилотные разведывательные аппараты становятся главными видами оружия при военном противостоянии.

Распад СССР, уход России из Восточной Европы были бы не возможны, как отмечают западные исследователи, без мощного воздействия на информационное пространство. Поражение СССР в «холодной войне» и последующий передел мирового пространства стали возможными во многом благодаря новым информационным технологиям, развитию которых придавалось в США в последние десятилетия особое значение.

¹⁷ См.: Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – С. 189.

Новые информационные технологии обеспечивают также культурную гегемонию США. Ряд исследователей сравнивают американский подход к проблеме с ситуацией в Древнем Риме и Британской империи. Для обеспечения своего господства Рим выработал систему законодательства, распространил латинский язык, создал привлекательный патриархальный порядок в римской семье. Британская империя использовала моральные нормы протестантизма, миссионерскую деятельность, свободную торговлю, демократические принципы. Иными словами, не только сила, но и привлекательность культуры, образа жизни, *soft power* имеют значение. «Мы – привлекательная империя», – говорит американский исследователь М. Бут. Сами американские специалисты указывают, что, владея арабы каналом CNN, события вокруг Кувейта, Югославии и Ирака имели бы иной мировой резонанс.

Хотя английский язык является языком лишь 380 млн жителей планеты, на нем выходит большинство книг. Страны, в которых население говорит на английском языке, производят 40 % мирового валового продукта, более 80 % материалов в Интернете созданы на английском языке. Будущая научная и политическая элита многих стран получает образование в США. Одно из определений американскому «культурному империализму» дал известный американский исследователь Р. Стил: «Культурные сигналы передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему миру – и они подрывают основы других обществ... в отличие от обычных завоевателей, мы не удовлетворяемся подчинением прочих: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали». Во внешней политике Запада наблюдается смещение исследовательского интереса на системы ценностей и механизмы психологического воздействия.

3. Бжезинский утверждает, что «масштабы и влияние США как мировой державы сегодня уникальны», что связано с постоянным расширением зоны влияния страны на всех уровнях политического пространства¹⁸.

Таким образом, можно отметить, что борьба за свои политические интересы ведется странами на всех уровнях политического пространства.

1.4. Геополитическое пространство России в однополярной картине мира

Еще в начале прошлого века, после Первой мировой войны, русский геополитик Н. Трубецкой писал, что в отношении России как огромного региона, составляющего шестую часть суши, будет проводиться агрессивная политика, и, «пока ее не поделят или не отдадут одному из романо-германских зверей, мировую войну нельзя считать законченной. В этом и состоит сущность «русской проблемы» для романо-германцев. Эти последние смотрят на Россию как на возможную колонию... Россия есть территория, на которой произрастает то-то и то-то, в которой имеются такие-то ископаемые. Что на этой территории есть население – это не важно: им займутся этнографы; для политики интересна главным образом территория, а туземное население – лишь в качестве рабочей силы. Можно ли представить себе, что эти самые иностранцы, помогши России «восстановиться» и стать на ноги, любезно поклонятся и отойдут в сторону? В порядке чуда такую картину рисовать себе можно, но если стоять на точке зрения реальных возможностей и вероятностей, надо признать, что такой поворот дела определенно исключен. Те романо-германские державы, которые окажут России помощь (точнее – будут оказывать помощь, ибо помощь требуется продолжительная), сделают это, конечно, не по филантропическим побуждениям и постараются поставить дело так, чтобы в обмен на эту помощь получить Россию в качестве своей колонии»¹⁹.

¹⁸ См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. – С. 15.

¹⁹ Трубецкой Н. Русская проблема // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 129.

Стратегия в отношении России не изменилась и сегодня: последовательно проводится поэтапный процесс вытеснения ее как сильного политического субъекта с международной арены. К концу прошлого века была реализована стратегия «анаконды», предусматривавшая формирование военных баз по периметру геопространства СССР, оттеснение его из геостратегических зон на Балканах и в Восточной Европе, ликвидацию военно-морских баз на Черном и Балтийском морях. Это был первый шаг, который сделал возможным дальнейшее последовательное проталкивание интересов Запада. По сценарию западных стратегов на геополитической доске развернулась так называемая большая игра (Great game), по правилам которой должен быть установлен монопольный контроль над мировым политическим пространством.

Очередным шагом со стороны Запада и США стало стратегическое решение перевернуть постсоветскую страницу. Это и была вторая волна, целью которой было изменить баланс сил на постсоветском пространстве, еще более сузив геополитическое пространство России. Для этого необходимо было оторвать Россию от сферы влияния в Центральной Азии, Восточной Европе и на Южном Кавказе.

Мадлен Олбрайт в свое время заявила: «Наша задача состоит в том – поскольку это в наших интересах, – чтобы управлять последствиями распада советской империи»²⁰. Прежде всего это расширение НАТО на Восток и формирование жесткого кольца военных баз на территории Прибалтики, Украины, Грузии и Средней Азии, позволяющего полностью контролировать геополитическое пространство России; это экономическое и политическое давление на Россию с целью ее дальнейшего разоружения и ухода российских военных с территорий, ранее ими контролировавшихся. Задача – максимально сузить геополитическое пространство России и ее влияние на Евразийский континент.

Ключом создаваемого пояса является Грузия, и именно там впервые были применены *on line* и уличные технологии. Если обратить внимание на революционный шлейф, то можно заметить, что революционные центры сегодня созданы в сравнительно автономных регионах: в Средней Азии – в лице Киргизии (южная граница России), на Кавказе – в лице Грузии и на западном крыле России – Украина, где были использованы технологии «цветных революций» и внешнего управления. В итоге Грузия и Украина наделены статусом региональных лидеров, которые станут локомотивами региональной интеграции в евро-атлантическое пространство. Запад строит мощную геополитическую стену от Прибалтики и до Кавказа, которая, по сути, и станет границей России с НАТО.

Стало очевидным, что революции в ряде случаев являются не только проявлением стремления широких слоев населения изменить существующий порядок, но и четко спрограммированной стратегией, направленной на установление качественно нового порядка.

Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Нагорный Карабах считаются, по выражению западных геополитиков, «дугами небезопасности». Это зоны конфликта, в которых присутствует российская армия, но откуда, по условиям *Great game*, Россия будет планомерно вытесняться.

Таким образом, первый занавес закроет Россию с севера на юг и будет проходить от Балтики через Украину и до Грузии. Второй занавес составит Грузия, Турция и Азербайджан, которые в свою очередь будут связаны со Средней Азией, это и будет вторая ось, которая составит южный водораздел России.

И наконец, третья волна, цель которой – расчленение России на отдельные самостоятельные регионы и присоединение их к сопредельным государствам. Территориальные претензии активно выдвигаются как бывшими союзниками России, так и соседними государствами.

²⁰ Олбрайт М. Задача США – управлять последствиями распада советской империи // Независимая газета. 1998. 16 октября. № 193.

* * *

Обращение в исследовании к геополитическим западноевропейским и американским концепциям является попыткой еще раз акцентировать внимание на том, что многоуровневое политическое пространство всегда было предметом активного противостояния, а современная история показала, что атлантизм более динамично, наступательно использовал все уровни политического пространства. Геополитика атлантистов оказалась наступательной, а геополитика Евразии пребывала в состоянии пассивной обороны.

Таким образом, геополитические концепции, являющиеся основой однополярной модели мирового порядка, представляют собой общие тенденции борьбы за расширение политического пространства, разворачивающейся на всех его уровнях. Эта весьма условная схема выстраивания картины западноевропейской и американской гегемонии дает представление об уровнях политического пространства.

1.5. Цивилизационная модель политического пространства

Однако реальность гораздо сложнее, чем картина однополюсного глобального мира во главе с США, и представляет собой столкновение и взаимодействие различных направлений развития современного мира, среди которых интеграция и дезинтеграция социокультурных образований. С одной стороны, усиливаются процессы сближения государств по пути создания глобальных общностей, с другой – активизируется стремление к сохранению национальной самобытности. Прямое столкновение этих тенденций является причиной реструктуризации мира по принципу цивилизационной идентичности. На политическом пространстве формируются новые политические субъекты, которые все в большей степени воздействуют на мировые процессы.

Цивилизационная проблематика, разрабатываемая как отечественными, так и западными учеными, служит попыткой объяснить современные реалии.

Не менее важным фактором, определяющим интерес к цивилизационной проблематике, выступает факт геополитического соседства с Россией подавляющего большинства формирующихся современных цивилизационных центров, предъявляющих свои условия взаимодействия с русской цивилизацией. Для понимания особенностей и механизмов цивилизационной реструктуризации есть смысл выяснить сущность, структуру и закономерности развития такого социокультурного феномена, как цивилизация.

Цивилизация: сущностные характеристики и структура

Истоки понятия «цивилизация» восходят к таким латинским словам, как «гражданин», «гражданский», «организованное общество». Для французских просветителей Д. Вико, маркиза де Мирабо цивилизация – это, прежде всего «добродетельное общественное устройство, процесс благовоспитанности в человеке и обществе, соблюдения приличия и смягчения нравов общества». А. Фюрюссон раскрывал другой аспект использования этого понятия. Он рассматривал цивилизацию как высший этап общественного развития по сравнению с варварством, так как «не только индивид продвигается вперед от детства к зрелому возрасту, но и сам род людской от варварства к цивилизации».

О. Шпенглер понимал под цивилизацией фазу заката культурно-исторического типа, его разложение. Цивилизация, по мнению автора, – это конечная стадия развития всякой культуры. А. Тойнби рассматривал локальные цивилизации как различные культурно-исторические системы эволюционного типа. Несмотря на различное понимание содержания понятия

«цивилизация», авторы сходятся в том, что цивилизация может сформироваться лишь при условии наличия определенных предпосылок.

В научной литературе существуют различные классификации цивилизаций, но их количество в истории человечества весьма ограничено (в различных классификациях рассматривается от 8 до 28), следовательно, есть некие особенности, характерные именно для данного социокультурного феномена. Для того чтобы выявить их, необходимо проанализировать предпосылки формирования цивилизации.

Рассматривая роль географического фактора в формировании цивилизаций, А. Тойнби условно разделил всю территорию на три вида:

- 1) регионы с благоприятным климатом в течение всего года;
- 2) регионы с переменным климатом и сложным ландшафтом;
- 3) регионы с жесткими природно-климатическими условиями.

В результате исследования он сделал вывод, что в регионах с благоприятным климатом в течение всего года (Австралия, Центральная Африка) не сформировалось ни одной самостоятельной цивилизации. Этот парадоксальный вывод имеет объяснение: природа предоставила человеку все возможности для выживания и не требует от него физического и творческого напряжения. Человек приспособился к окружающей среде, условия жизнедеятельности не стимулируют его к поиску новых путей, и позитивный фактор со временем превращается в оковы, тормозящие развитие общества.

Сформировавшаяся культура здесь ориентирована в основном на повторение уже отработанных форм жизнедеятельности, воспроизводство общественно-производственных технологий, а обычаи, традиции жестко закрепляются и передаются из поколения в поколение. Это продолжается до тех пор, пока, окончательно лишившись импульса внутреннего развития, общество не «костенеет», превращаясь в реликт, либо ассимилирует под натиском более динамичного соседа.

Регионы с жесткими природно-климатическими условиями, например, район Крайнего Севера, также служат примером статичного общества. Почему экстремальные условия не явились толчком к формированию цивилизации? Ведь здесь природа предъявляет повышенные требования к условиям проживания человека.

С точки зрения социальной организации, общество эскимосов является примитивным, но если учесть сложнейшие жизненные условия, в которых они находятся, то следует признать, что они полностью адаптировались к ним. Этот пример свидетельствует о том, что постоянное напряжение, обусловленное суровым арктическим климатом, не дает возможности направить усилия на другие стороны жизнедеятельности социума. Вся жизнь эскимосов подчинена годовому циклу арктического климата, и такой жесткий диктат природы препятствует интенсивному развитию социально-политических структур.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что как очень благоприятные, так и суровые природно-климатические условия не стимулируют развитие общества. Поэтому если рассматривать теорию среды применительно к обществам, находящимся на первоначальном этапе развития, то она правомерна и играет доминирующую роль. Таким образом, согласно выводам Тойнби, цивилизации возникают в регионах с переменным климатом и сложными ландшафтными условиями, что, с одной стороны, создает возможность выживания, а с другой – стимулирует творческую преобразовательную деятельность²¹.

Так что же такое цивилизация? Анализ материалов, связанных с понятием «цивилизация», свидетельствует о факте смешения понятий и теорий, объясняющих генезис данного феномена. Во многих случаях происхождение этого социокультурного образования объясняется причинами, относящимися не к происхождению цивилизации, а к появлению куль-

²¹ См.: Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1981.

турно-исторического типа, т. е. основы, на которой она сформировалась. Поэтому правомерные выводы относительно общества, не достигшего фазы цивилизации, не применимы к самой цивилизации. Попытаемся в этом разобраться. Представим генезис и эволюцию этапов цивилизации (см. рис. 1).

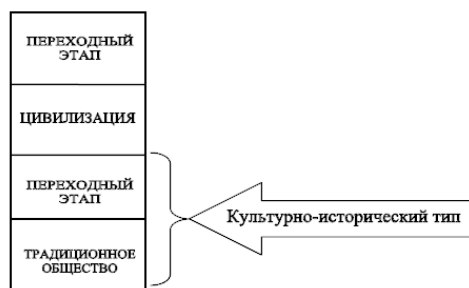

Рис. 1. Этапы формирования цивилизации

Таким образом, необходимо отметить, что на первых двух этапах происходят сложные процессы, либо стимулирующие общество для дальнейшего развития, либо являющиеся причиной его стагнации, а в дальнейшем, возможно, и гибели. Эти два этапа можно объединить под названием «культурно-исторический тип». Необходимо уточнить, что термин «культурно-исторический тип» введен Н. Я. Данилевским в работе «Россия и Европа» и используется для характеристики этапа развития общества, предшествующего цивилизации.

Анализ особенностей культурно-исторического типа даст возможность понять, почему не каждое общество может развиваться до фазы цивилизации. Итак, на этапе формирования общества как культурно-исторического типа огромное значение имеют такие факторы, как географическое положение и климатические условия, тогда же определяется тип общественно-производственной технологии, формируется временной ритм социума. В этот период формируется характер этноса, видоизменяются или закрепляются его психофизические особенности. На этапе доцивилизационного развития закладывается культурная матрица, которая в дальнейшем может стать основой цивилизации.

В этой связи можно выделить два вида культурно-исторических типов: первый вид – общество, не способное перейти к цивилизационной фазе, и второй вид – общество, на основе которого формируется цивилизация.

Принципиальное отличие социумов, не ставших основой для развития цивилизаций, состоит в том, как уже отмечалось выше, что культура закрепляет здесь экстенсивный тип технологии, ориентированный на воспроизводство в том же объеме и в том же качестве. Индивид ориентирован на абсолютную неизменность бытия, воспринимает социально-культурный ресурс как абсолютно необходимый, но и абсолютно достаточный. Культура закрепляет это в традициях, обрядах, нормативно-ценностной системе, ориентированной на освящение культа предков.

Еще один значимый фактор – это политическая независимость. «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью»²². Нет необходимости останавливаться на анализе исторических примеров, подтверждающих такой вывод, это обосновано в работах А. Тойнби, Л. Гумилева, Н. Данилевского.

В культурно-историческом типе, ставшем основой для формирования цивилизаций, наблюдается оформление государственности, интенсивное развитие производства, формирование новых механизмов освоения окружающей среды. Это возможно благодаря тому, что

²² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – СПб., 1889. – С. 96.

культура стала вырабатывать новые стереотипы поведения, направленные на активную преобразовательную деятельность и ставшие общественной нормой.

Рассмотрим 2-й этап – *переходный период* или, правильнее его назвать, «цивилизационный переход». Возникает вопрос: в чем особенности данного периода?

«Цивилизационный переход» можно охарактеризовать как трансформацию производственной технологии, политической системы, духовных ценностей и нормативно-нравственной системы, способствующую формированию новых технологий и изменению отношения к воспроизводству социально-культурного ресурса. Общество стало создавать его в расширенном воспроизводстве. Глубинная сущность данного этапа заключается в том, что социум стал формировать новые механизмы освоения жизненного пространства, нацеленные на воздействие на окружающую природу и преобразование социума. Но это стало возможным потому, что культура стала вырабатывать новые стереотипы поведения. Как будет это воспринято, во многом зависит от реакции системы на вызов «внешней среды» на эмоционально-психологическом уровне, будут ли они восприняты как «свои» или отторгнуты как «чужие»²³.

3-й этап – собственно фаза цивилизации, суть которой состоит в окончательном отходе общества от ориентации на экстенсивные технологии и принятии ориентации на интенсивное расширение воспроизводства как главной и определяющей.

Таким образом, *цивилизацию можно определить как качественно новый уровень развития социальной системы, который характеризуется тем, что возникает не на естественно-природной основе, а как результат длительного исторического развития культуры и общественно-производственных технологий.*

Цивилизации постоянно развиваются, взаимодействуют и воюют с окружающим миром, так как регионы, где начинают формироваться более эффективные технологии, обретают особую привлекательность в глазах соседей.

А. Тойнби, рассматривая механизм распада цивилизаций, отмечал, что «по мере укрепления власти над окружением начинается процесс надлома и распада, а не роста. Проявляется это в эскалации внутренних войн, череда войн ведет к надлому, который, усиливаясь, переходит в распад»²⁴. Милитаризм на протяжении четырех или пяти тысячелетий является наиболее общей и распространенной причиной надломов цивилизаций.

Ведя захватнические, пусть даже победоносные, войны, цивилизация направляет свои усилия в основном на военное производство и контроль над захваченными территориями, что со временем обессиливает ее. Вовлечение в ареал цивилизации пограничных пространств несет опасность, потому что постоянно снижает темпы ее развития. Необходимо признать, что война есть продолжение внутреннего кризиса системы, который она не в силах разрешить самостоятельно и который цивилизация пытается ликвидировать за счет внешнего мира. Однако даже в случае успешной экспансии ассимиляция другой культуры, установление и поддержание господства на завоеванной территории требуют колоссальных усилий, и это часто бывает толчком, приводящим к распаду цивилизации.

Поддержание своего господства на завоеванной территории требует не только создания определенных военных и социально-политических структур, но и формирования единой системы культурных ценностей. Цивилизация – это не только единое территориальное пространство, но прежде всего общие социальные и духовные установки и принципы, выражающие конкретный способ осмысления бытия.

В политической науке выделяются три уровня классификации цивилизаций: локально-национальный, региональный, глобальный.

²³ См.: Карадже Т. В. Тенденции мирового цивилизационного процесса. – М., 1995. – С. 45.

²⁴ Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1981. – С. 391.

* * *

В современном мире мы наблюдаем сложные цивилизационные процессы. Современная Западная Европа после периода становления «общего дома» и активного расширения столкнулась с серьезными внешними вызовами, что спровоцировало выход Великобритании из ЕС. Стремительно развиваются Китай, Южная Корея, Таиланд, Малайзия, Индонезия. Причем страны этого региона явно сплачиваются для коллективного достижения своих целей.

По инициативе Австралии проводится курс на создание Азиатско-Тихоокеанского «общего дома». Создаются новые экономические блоки, что свидетельствует о переходе конкурентной борьбы со странового уровня на межблоковый.

Формирование мегаблоков в Северной Америке, Западной Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где преимуществами свободного рынка могут пользоваться лишь участники этих объединений, а для «остальных» сохраняется жесткий протекционистский режим, вызывает в неприсоединившихся странах обоснованную тревогу. Перед этими странами возникает реальная опасность остаться в стороне от мирового рынка. В новой геэкономической ситуации они поставлены перед выбором – либо быть обреченными на отставание, либо порознь или группами присоединиться к международным союзам, во главе которых стоят страны экономически развитые.

Свободное перемещение людей, товаров, капиталов, технологий и новых идей в рамках регионально-цивилизационных образований, при определенной замкнутости самих этих образований по отношению к остальному миру, позволяет эффективнее разрабатывать и внедрять новые технологии, новые формы организации и управления, в то же время сохраняя конкуренцию между отдельными странами, корпорациями, фирмами внутри этой цивилизации. Именно страны – экономические гиганты становятся центрами формирующихся цивилизаций, образование которых происходит с учетом культурно-религиозных традиций. «Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство остается главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям», – писал С. Хантингтон²⁵. «Новая цивилизационная модель» серьезно повлияла на многие устоявшиеся представления о международных процессах.

В то же время процесс интеграции стран в региональные цивилизации сопровождается сложными внутренними коллизиями. Сегодня практически во всех странах происходит процесс возврата к собственным культурным корням: на Ближнем Востоке процесс реисламизации, индуизации

Индии, провал западных идей в Азии и т. д. «Стягивание» социумов в единый цивилизационный узел происходит по принципу общности культурно-религиозных традиций.

Особое внимание следует обратить на «межцивилизационное пространство» – территории, не входящие в пространство той или иной цивилизации и находящиеся сегодня в стадии самоопределения цивилизационной идентичности. Процесс этот достаточно длительный и болезненный, и исследователи отмечают, что основные конфликты происходят между народами – представителями различных культур, находящихся в межцивилизационном пространстве.

«Межцивилизационное пространство» – регионы, расположенные на периферии сформировавшихся цивилизаций и находящиеся в стадии цивилизационного самоопределения.

²⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – № 1. – С. 23.

Для России проблема цивилизационного самоопределения регионов становится особо актуальной. Полиэтничность и поликонфессиональность таят в себе постоянную угрозу конфликта, и этот фактор был картой, которая всегда разыгрывалась в политической игре. «Стягивание» в цивилизационный узел регионов с единым культурно-религиозным основанием на пограничном пространстве провоцирует конфликтные процессы внутри государства и угрожает его территориальной целостности. В связи с этим для поликонфессиональных и полиэтнических государств особое значение имеет наличие системы политических ценностей и национальной идеи как основы их целостности.

В третьем тысячелетии исторический процесс демонстрирует различные пути развития. Сегодня следует пересмотреть стратегию глобального прогресса человечества, отказаться от представления, что он сводится к достижениям техники и технологий. История показала, что нет единственного магистрального пути – каждая цивилизация имеет свои формы освоения мира, и попытка заимствования «чужого» опыта без учета культурно-религиозных особенностей чревата гибелью.

1.6. Основные направления политической регионалистики

В современных условиях мощное воздействие на политическое пространство оказывают дополнительные факторы, также требующие философского осмысления.

Проблемы национальной безопасности диктуют необходимость переосмысления стратегии внутренней политики в отношении территории государства. Изменяются представления о значении региона в контексте геополитических интересов государства и стоящих перед ним задач.

Приоритетными задачами государства в новой ситуации становятся:

- а) стратегия укрепления геостратегических зон и регионов;
- б) контроль федерального центра за деятельностью административно-территориальных единиц и согласование интересов в целях сохранения устойчивости государства и укрепления его безопасности.

В связи с этим в современной отечественной науке активно развивается политическая регионалистика, исследующая пространственные формы политических субъектов и процессов, взаимосвязь между формой территориального устройства государства и системой его взаимоотношений с составными территориальными частями.

Объектом изучения политической регионалистики являются региональная государственная политика, политика регионов и политическая сфера региональных общностей.

Политическая регионалистика рассматривает политические процессы и отношения на нескольких структурных уровнях:

на уровне региона, состоящего из территорий нескольких государств; на уровне региона, состоящего из территории одного государства; на уровне региона, состоящего из части территории одного или нескольких государств;

на уровне региона, состоящего из территории одного или нескольких муниципальных образований.

*Регион (от лат. *region* – область, район) – территория страны или нескольких соседних стран с более или менее однородными природными условиями, определенной направленностью развития производительных сил и сложившейся социальной инфраструктурой.*

Вмешательство международных структур во внутреннюю жизнь государства, региональные миграционные процессы ставят вопрос о необходимости рассматривать геополитические проблемы, проблемы национальной безопасности, геоэкономические процессы в едином контексте с региональной политикой, с точки зрения их взаимосвязи и взаимодополняемости.

Политическую регионалистику по праву называют внутренней геополитикой, цель которой – увязать стратегии внутреннего и внешнего развития государства, обеспечивающие его целостность и безопасность.

Разработка стратегии регионального развития затруднена из-за незавершенности концепции национальной безопасности России. Эффективная реализация (с точки зрения национальных интересов) региональных проектов возможна только при условии учета факторов, определяющих безопасность государства.

По мнению отечественных аналитиков, в перспективе региональные исследования будут все более уходить вглубь, на уровень небольших территориальных образований, где внутренняя целостность и имманентно присущая любой региональной среде системность (взаимосвязь пространства, расселения, инфраструктуры, экономики) проявляются наиболее отчетливо. При рассмотрении проблемы территориального устройства государства учитываются не только два таких элемента, как поселение и регион, но и третий элемент – власть. Территориальные социальные общности, с одной стороны, являются объектом воздействия власти, а с другой – сами выступают субъектами политики.

Устойчивость политического пространства определяется общностью как территории, так и власти над этой территорией, и нередко политическая власть не только создает и укрепляет объективно формирующиеся общности, но и разрушает их²⁶.

Целостность государства и эффективная реализация стратегии его развития во многом определяются формой территориального устройства, которое является, с одной стороны, формой территориальной организации власти, а с другой – системой взаимоотношений государства как целого с его составными частями (территориями).

Территориально-политическое устройство современной России делится на геополитические, административные и экономические зоны. Характеризуя инфраструктуру регионов России, аналитики следующим образом обозначают геополитические зоны: «В качестве центра в настоящее время признается Москва. От центра идут четыре геополитических луча: Москва – Восток; Москва – Запад; Москва – Север; Москва – Юг.

Периферийные пространства на этих лучах представляют собой геополитические зоны, которые соответственно называют «русский Восток», «русский Запад», «русский Север», «русский Юг».

На направлениях Москва – Север и Москва – Восток граница совпадает с береговой линией, и здесь Россия имеет законченные геополитические границы. Долгое время основная задача была – сохранить статус-кво, не дать распасться пространству, однако последнее время ситуация изменилась. Обострилось внимание международного сообщества к северному направлению, что объясняется рядом причин. На территории Арктики находится 25 % запасов газа от мировых, с 1985 г. Северный Ледовитый океан потерял почти 50 % многолетних льдов, что дает возможность переформатировать всю сеть торговых путей между Европой, Азией и Америкой. Усилилась борьба приарктических государств, среди которых Россия, Канада, США, Норвегия, Дания, за Северный морской путь и контроль над береговой арктической зоной. В этой связи активно разрабатывается сценарий, в соответствии с которым возникнут претензии к России по поводу загрязнения Арктики и нарушения прав местного населения, далее требования демилитаризации Русской Арктики и передача этой территории под контроль международных структур, т. е. США.

Северное пространство делится частными лучами: Москва – Мурманск; Москва – Магадан – Камчатка. Это пространство объединяет значительное количество субъектов Федерации.

«Русский Восток» включает: Южный Урал, Южную Сибирь, Алтай, Тыву, Бурятию, Приамурье, Приморье.

²⁶ См.: Медведев Н. П. Политическая регионалистика. – М.: Гардарики, 2002. – С. 15.

Картина здесь также достаточно сложная, что вызывает необходимость решения широкого спектра проблем. Среди них важную роль играет формирование новой геополитической роли регионов Сибири и Дальнего Востока, изменение их места в экономике страны. Заселение Дальнего Востока выходцами из Китая, или, как это сегодня определяется в политической публицистике, «ползучая аннексия», ставит вопрос не только о «китаизации» этого региона, но и о возможности отделения территории, что еще раз подтверждает необходимость пересмотра форм территориального устройства государства. Периодически на повестке дня возникает вопрос о Курильских островах и т. д.

Очень сложные внешнеполитические и внутривнутриполитические проблемы сложились на направлениях Москва – Запад и Москва – Юг. Границы на этом направлении не заканчиваются для России береговой чертой. Это весьма уязвимые направления для России. Здесь наиболее напряженная геополитическая динамика.

Усиление дезинтеграционных процессов как внутри отдельных регионов самой России, так и на постсоветском пространстве актуализирует вопрос об административных зонах. Административно-территориальное деление современной России не соответствует внешним и внутренним геополитическим целям государства. Прежде всего, критикуется много-субъектность РФ, так как в процессе демократических трансформаций внутренняя геополитика, связанная в первую очередь с субъектами Федерации, оказывает все большее влияние на внешнюю геополитику России, и предлагаются различные пути сокращения количества субъектов российской государственности. Одной из причин издания Указа Президента РФ по разделению территории на семь федеральных округов явилось желание Кремля разрешить сложные геополитические проблемы в рамках этих округов.

Главное назначение этих федеральных подразделений состоит в усилении контроля президента и федерального центра в целом за действиями региональных властей и в обеспечении одинакового действия всех норм федеральной Конституции на территории России независимо от этнонациональных, религиозных и иных особенностей субъектов Федерации. Предполагается, что образование федеральных округов должно способствовать усилению территориальной целостности государства.

Актуальным для отечественной политической регионалистики остается вопрос территориального устройства по национальному принципу.

В настоящее время активизируются региональные этнополитические процессы. Поэтому принцип национально-территориального устройства государства, по мнению аналитиков, является миной замедленного действия, представляющей потенциальную угрозу безопасности общества. Национальная и религиозная карта разыгрывается в территориальных конфликтах как наиболее распространенная, прикрывающая истинные цели участников политических конфликтов. Особое значение эта тема приобретает в условиях активного становления цивилизаций и используется для пересмотра сложившегося геополитического пространства.

1.7. Геоэкономические стратегии освоения и передела политического пространства

Геополитика, политическая глобалистика, политическая регионалистика тесно связаны с геоэкономикой, выступающей как инструмент современных геополитических стратегий. Мировая экономическая интеграция вызвала к жизни новые методы передела политического пространства, которые можно обобщить как геоэкономические методы.

В последнее время геоэкономика оттесняет геополитику на вторые роли и в современных условиях становится геостратегией. В отличие от геополитики, имеющей уже достаточно длительную историю – около двухсот лет, геоэкономика как наука стала формироваться недавно, в середине 80-х гг. прошлого столетия и находится еще в стадии теоретико-методологического

становления. Задача новой дисциплины – формирование новых стратегий национального развития и национальной безопасности в условиях глобализирующегося политического и экономического пространства.

Представления о ведении войн с применением только силовых методов и новейших видов оружия уходят в прошлое. Тактические действия развитых государств мира, реализующих глобальные стратегии, уже не связываются ни с военным завоеванием территорий, ни с прямым подчинением экономического пространства противника. Эти страны формируют правила и условия игры на мировом экономико-политическом поле, предлагают, а вернее, навязывают по праву сильнейшего свои технологии, устанавливают и поддерживают желаемые типологии мирохозяйственных связей, ориентированные на достижение своих целей, упрочение или подрыв той или иной системы социально-экономической ориентации. Новая воспроизводственная структура мира развитых стран выстраивается с учетом доступности сырьевых богатств и интеллектуальных ресурсов всех других стран мира²⁷.

На смену военной экспансии приходит геэкономический экспансионизм, провозглашающий нанесение ущерба невоенными методами по заранее спланированной стратегии с применением высоких геэкономических технологий. Использование транснациональными структурами сырьевых, финансовых, интеллектуальных и других ресурсов государств без допущения их к формированию и распределению мирового дохода; стремление к полновластному контролю над мировым пространством; ослабление национального государства как основного субъекта мирового процесса – все это предполагают новые стратегии в изменяющемся мире.

Геэкономическая стратегия развития рассматривает мир как целостное образование, а национальных политических субъектов всего лишь как элементы глобальной системы, где свои правила взаимодействия.

В настоящее время ключевые ресурсы развития больше не имеют территориальной привязки. Освоение практически любой территории заключается, прежде всего, в изъятии из общества основной части здоровых и прогрессивных элементов, т. е. людей – носителей финансов и интеллекта. Изъятие интеллекта и финансов надолго, если не навсегда, лишает страну исторической перспективы. В то же время прогресс более развитого общества во многом идет за счет нарастающей деградации «осваиваемого».

Пионеры использования новых геэкономических стратегий – США – привлекли к их воплощению спекулятивный финансовый капитал, высокая мобильность которого наилучшим образом соответствует изменчивости разрабатываемых с его помощью технологий. Осуществление любого производственного проекта требует значительно большего количества времени, чем то, на которое готов вкладываться традиционно «короткий» спекулятивный капитал. Масштабные вложения спекулятивного капитала оказываются неэффективными и опасными для национальных экономик: он уходит, подчиняясь текущей конъюнктуре глобальных рынков, не успев создать ничего реального и оставляя после себя одни разрушения.

Мировые финансовые кризисы, повлекшие за собой обвал ряда национальных экономик, продемонстрировали эффективность использования США этих технологий в экономике стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и России. «Портфельные инвестиции», цель которых быстрый оборот за счет создания, в том числе и финансовых пирамид, благодаря современным технологиям могут быть выведены из национальной экономики в течение очень короткого времени, что и было использовано для организации финансового кризиса. В финансовом кризисе наибольшие потери понесли страны, экономика которых в обозримом будущем могла реально стать конкурентной американской экономике. Более того, в результате финансовых кризисов американская экономика получила новый импульс к развитию.

²⁷ Шевелев Э. Г. <http://www.whoiswho.ru/russian/currom/42002>.

Перемещение «интеллекта» в научные центры развитых стран, сокращение ассигнований на развитие науки и образования углубляют разрыв между наиболее развитыми и всеми остальными странами и позволяют с уверенностью утверждать, что при сохранении сложившихся тенденций эти разрывы в ближайшее время приобретут непреодолимый характер.

Геоэкономические стратегии учитывают, что информационные, финансовые и иные процессы, связанные с глобализацией, сокращают возможности национальных правительств контролировать внутривнутриполитическую ситуацию и управлять ею. Многие функции, ранее выполнявшиеся правительствами, переходят к ТНК и международным структурам.

Усилению ТНК объективно способствуют кризисы. Так, в ходе кризисов с фондовых рынков ушел преимущественно национальный мелкий и средний капитал, зависимый из-за незначительных масштабов деятельности от перепадов конъюнктуры. Его заменил крупный капитал, в основном международный, эффективно влияющий на правительства и создающий через них нужную ему конъюнктуру не только на национальном, но и на мировом уровне.

В наибольшей степени влияние ТНК и их превращение в ключевой инструмент общественного развития проявились в развитии и распространении технологий. Если ранее технологические принципы разрабатывались в основном государствами, то сегодня большинство (по ряду оценок, около 80 %) новых технологий и принципов их практической реализации создаются уже транснациональными корпорациями.

Особенностью этого этапа развития США стало сращивание ТНК с государством. Ключевой причиной успеха США и развитых стран представляется не просто тесное взаимодействие государства с ТНК. Главную роль здесь сыграли превращение в один из безусловных национальных приоритетов укрепление ТНК и выращивание обычных национальных корпораций до уровня мирового доминирования. (Так, из 100 крупнейших ТНК мира 55 являются американскими, но их капитал – $\frac{2}{3}$ всего капитала.)

Эта политика стала наиболее эффективным способом национального развития, так как в среднем более $\frac{2}{3}$ прибыли, получаемой ТНК за рубежом, репатрируется (т. е. опять ввозится в США). Именно концентрация транснациональных корпораций на территории США и соответственно в юрисдикции американского государства является одной из причин их коммерческого доминирования. Принципиальная новизна этой модели состоит в том, что американские ТНК и американское государство, как правило, преследуют общенациональные интересы.

Доминирование в мировой экономике глобальных монополий, базирующихся в США, ведет к размыванию и исчезновению понятия «национальный суверенитет». Сегодня отсылка к самой идее национального суверенитета воспринимается почти как реакция. При этом бросается в глаза исключение из правил: одно-единственное государство, в отношении которого не применяется тезис «размывания суверенитета», – это США. «Размывание суверенитета» – реальность для всего мира, кроме США, чей суверенитет укрепляется если не абсолютно, то, во всяком случае, относительно.

Та самая глобализация, которая размывает суверенитет американских конкурентов, укрепляет собственный суверенитет США и становится инструментом повышения конкурентоспособности. Идея национального суверенитета не исчезает, но плавно трансформируется в идею доминирования, господства одного сильнейшего государства над всем остальным миром.

Геоэкономические стратегии, по определению, неожиданны и выстраиваются на основании нового прочтения реальности; традиционные стереотипы менталитета не позволяют прочесть «текст» на новом языке и считают его иррациональным, что не способствует адекватному реагированию на изменившуюся ситуацию.

Большинство геоэкономических планов, как отмечается аналитиками, строятся на эффекте преадаптации, т. е. создаются формы деятельности для политических, экономических или культурных реалий, не существующих в реальном мире, но которые завтра неминуемо возникнут. Найдя такую виртуальную площадку, субъект немедленно приобретает статус игрока

на мировой шахматной доске или сохраняет этот статус в течение следующего шага развития. Так, в 1970-е гг. прошлого века США начали рассматривать финансово-юридическое поле как площадку преадаптации, а правовое регулирование как форму управления новой глобализированной экономикой. Это привело к «сбросу» промышленности в развивающиеся страны и построению в США постиндустриальной штабной экономики, продуктом которой являются международные правила игры²⁸.

В условиях глобализирующегося пространства государство начинает играть роль регионального филиала некоей «предельной корпорации». Экономика национального государства отнюдь не должна быть эффективной, более того, часто «предельной корпорации» выгодно поддерживать существование неэффективного государства и низкий уровень его социальных и экономических показателей. Так, экономически развитым странам желательно снижать цены на сырьевые ресурсы, поставляемые другими странами, и иметь дешевую рабочую силу там, где размещаются филиалы крупнейших мировых корпораций, и поэтому повышение жизненного уровня населения этих государств не входит в число стратегических задач ТНК. Понятно, что такие отношения ставят многие государства в крайне невыгодное экономическое положение, однако для глобальной экономики это имеет лишь то значение, что мировой доход станет капитализоваться в одной части земного шара (в странах «золотого миллиарда»). Но государства, оказавшиеся в экономически невыгодной ситуации, могут получить помощь в виде кредитов или списания долгов при условии выполнения требований стран-лидеров и ТНК²⁹.

Политической независимости, достигнутой странами третьего мира, оказалось недостаточно для избавления от экономической зависимости, а попытки догнать развитые страны не оправдались. Латиноамериканские экономисты Р. Пребиш, Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос, стремясь объяснить эту ситуацию, ввели понятие «зависимое развитие», или «периферийный капитализм», принципиально отличный от капитализма центра и не способный к самостоятельному развитию.

В целом концепции «зависимого развития» отражают противоречивое положение слабо-развитых стран, вынужденных модернизироваться, переходить от докапиталистических форм развития к капитализму, который приобретает в них черты, не свойственные капитализму развитых стран (зависимое развитие). Однако ни задержаться на докапиталистической стадии, ни догнать Запад страны не могут и оказываются в ситуации кризиса, из которого самостоятельно выйти не в состоянии.

Теоретическим основанием геоэкономических стратегий является мир-системный подход, в соответствии с которым целое (мироэкономика, по Валлерстайну) имеет трехуровневую структуру: центр, полупериферия и периферия. Функции целого (единого экономического пространства) берет на себя центр, или группа государств, обладающих сильной и эффективной политической организацией. Развитие единого экономического пространства в направлении целостности заключается в том, чтобы подчинить или создать недостающие части. Формирование «дополняющей экономики» в странах периферии и полупериферии является способом создания недостающих структур путем преобразования уже существующих и формирования новых.

В результате центр и периферия составляют одно неразрывно связанное целое, и между ними складываются иерархические отношения управления и подчинения. В рамках подобной иерархической системы решить проблему неравенства и неэквивалентного обмена не представляется возможным, потому что решения, которые выгодны для центра и им же принимаются от имени всего целого, будут заведомо невыгодными и неэффективными для стран

²⁸ См.: Переслегин С. Границы геополитики: геоэкономический подход. <http://www.archipelag.ru>.

²⁹ См.: Переслегин С. Границы геополитики: геоэкономический подход. <http://www.archipelag.ru>.

периферии. Центр в результате неэквивалентного обмена будет всегда выигрывать (развитые страны), а периферия проигрывать. Таковы правила новой реальности.

Современное геоэкономическое пространство может быть представлено в виде пирамиды, основанием которой являются сельскохозяйственные и сырьевые регионы; затем идет уровень регионов индустриального развития, которые поставляют на мировой рынок низкотехнологическое сырье и хай-тек; и наконец, верхний уровень пирамиды – регионы постиндустриального развития. Здесь производится интеллектуальное сырье и создаются правила геоэкономической игры.

Положение страны в геоэкономическом мире определяется тем, какое она занимает место на глобальном рынке, каким образом включена в систему мировых обменов. Развитые страны, потребляющие огромные товарные ресурсы, свой товарный дефицит в глобальных обменах, как правило, покрывают так называемой «рентой развития» – взиманием платы за пользование идеями, информацией и культурными ценностями, а также за допуск представителей менее развитых стран на свои богатые рынки. Менее развитые регионы и страны дефицит своего торгового и платежного баланса покрывают, как правило, природными ресурсами, людьми, сырьем, территориями – «рентой отсталости»³⁰.

Геоэкономический подход к национальному развитию и стратегия его реализации в современных условиях закономерно занимают центральное место в политической науке. За последние годы очевидна беспомощность используемых российской властью элитой традиционных стратегий, что требует конструирования новейших «фундаментальных опор» для выстраивания стратегии развития, адекватной современному миру и способной реагировать как на внешние, так и на внутренние угрозы и вызовы.

Для реализации геоэкономической стратегии необходимо выполнение нескольких условий:

- формирование новой организационно-функциональной системы – «страны-системы» с вынесенными «вовне» транснационализированными воспроизводственными циклами;

- определение наиболее мощных финансово-промышленных групп, которые получат статус стратегических корпораций и специфические льготные условия, позволяющие самостоятельно принимать геоэкономические решения оперативного характера;

- оснащение подобных структур высокими геоэкономическими технологиями;

- введение военной составляющей в структуры стратегических финансово-промышленных групп (речь идет о формировании новейшего класса корпоративных структур на базе военного, интеллектуального, финансового и производственного симбиоза);

- определение на геоэкономическом атласе мира зоны российских геоэкономических устремлений, плацдармов, зон влияния и т. д.; пересмотр роли энергетических и сырьевых российских корпораций в реализации национальных стратегий.

Как Россия выстраивает свою внешнюю стратегию в политическом пространстве? Учитывает ли она в качестве ориентиров центральный вектор мирового развития – геоэкономический? Какова позиция России в условиях геоэкономического передела мира?

Россия «застряла» на старых геополитических подходах, и привязка национальных интересов не к экономическим, а только к административным границам страны, игнорирование современных мировых реалий привели к тому, что российская политика практически вычеркнула из своего поля зрения экономическую составляющую мировой политики.

Стратегия российского национального развития в условиях геоэкономического вызова неэффективна. Акцент на поддержку отечественных финансово-промышленных групп, ориентирующихся на добычу сырья, привел к резкому обвалу отечественной экономики в 2015–2016 гг. Политическая элита, не рассматривающая науку как стратегически приоритетную в

³⁰ См.: *Переслегин С.* Границы геополитики: геоэкономический подход. <http://www.archipelag.ru>.

век информационных технологий, не только лишает шанса свою страну стать полноправным участником глобализирующегося пространства, но и окончательно закрепляет за ней место на задворках мировой политики.

Геоэкономические стратегии должны внести существенные коррективы в формирование России как страны-системы, участвующей в формировании и перераспределении мирового дохода, что позволит стране вновь стать полноправным субъектом политического пространства.

Изменяется технология освоения политического пространства. Сегодня политическим лидером может стать государство, не только успешно отвечающее на внешние и внутренние вызовы, но и способное предложить и заставить других принять новые правила взаимодействия, обеспечивающие ему наиболее эффективные условия развития.

Глава 2

Политическое время

2.1. Хронополитика: содержание и основные направления

Политическое пространство – область, где пересекаются и взаимодействуют различные системы, каждая из которых живет и развивается в соответствии со своими «внутренними часами» и ритмами. Политическая система как часть более общей социальной системы находится в постоянном взаимодействии с ее элементами, и характер политических процессов напрямую зависит от согласования и корреляции временных потоков этих элементов.

Необходимость исследования и корреляции временных параметров социокультурных, экономических и политических процессов, динамики и ритма их развития сегодня стала очевидной. Время политических преобразований может намного опередить экономические и социальные преобразования, что приведет к полному или частичному провалу политических реформ.

А. С. Панарин, исследуя процессы трансформации российского общества, отмечал несовпадение темпов времени: «...медленнее всего течет время глубинных социокультурных процессов, связанных с изменениями архетипов национального сознания. Поэтому так часто оказывается, что, заимствуя новейшие общественно-политические формы, общество вкладывает в них старое социокультурное содержание. Если время быстрых процессов оказывается отпущенным на свободу или тем более форсируется, тогда как другие процессы, обладающие иной ритмикой, заметно отстают, это грозит, с одной стороны, полной разбалансированностью потоков времени и дестабилизацией общества, а с другой стороны – начинкой новых форм старым содержанием, относящимся к сферам замедленной временной динамики»³¹.

Каждая социальная система имеет свое историческое время, опережая или отставая от общеисторического времени. Это является причиной несовпадения временных ритмов взаимодействующих социумов, что достаточно ярко подтвердил мировой опыт модернизации. Большинство стран либо вынуждено отказаться от опыта модернизации европейских стран, либо корректировать его с учетом национальных особенностей. Она из причин – различие временных ритмов социальных систем.

Исследование скорости протекания политических процессов в разных социальных системах обусловлено также необходимостью координации и синхронизации процессов, происходящих в глобальном мире.

Но и внутри каждой социальной системы взаимодействуют несколько временных потоков, свойственных разным поколениям, этническим, религиозным и социальным группам. Задача не только в том, чтобы учитывать эти различные по своей динамике развития потоки, но и скоординировать их, сформировав общую перспективу развития социума как единого организма.

Развитие политической сферы регулируется политическими циклами: политико-деловым циклом, партийным циклом, циклами мирового господства и т. д. Исследования Р. Эмерсона, П. Штомпки, И. Валлерстайна свидетельствуют о том, что политические циклы, их временные и количественные параметры испытывают серьезное воздействие со стороны реального политического пространства, а также обладают своей логикой развития и оказывают мощнейшее влияние на ритм и темп развития всей социальной системы.

³¹ Панарин А. С. Философия политики. – М., 1996. – С. 79.

Не менее важная государственная проблема – проблема распределения общественного времени. История подтверждает, что социальные группы находятся в постоянном конфликте по поводу распределения и перераспределения национального бюджета времени (времени труда и досуга, времени учебы и времени выхода на пенсию и т. п.). От решения этих проблем во многом зависят и политическая стабильность, и, в конечном счете, политический режим государства. Эти и ряд других вопросов, связанных с проблемой времени, вызвали необходимость формирования нового направления в политической науке – хронополитики.

Хронополитика исследует темпы и ритмы развития политического, распределение общественного времени, а также взаимосвязь между типом его распределения, политическим режимом и особенностью социально- политических процессов.

2.2. Типы времени

Время как философская категория

Проблема времени вызывает интерес с глубокой древности. Есть две точки зрения, которые представлены в философском споре. Первую отстаивали Демокрит, Эпикур, Ньютон, и ее принято называть субстанциальной концепцией: пространство и время трактовались как самостоятельные сущности, существующие наряду с материей и независимо от нее, а отношение между пространством, временем и материей представлялось как отношение между самостоятельными субстанциями. Этот подход привел к выводу о независимости свойств пространства и времени от характера и динамики протекающих материальных процессов. Согласно теории Ньютона, «абсолютное истинное математическое время само по себе и по своей сущности, безо всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью»³².

Вторую концепцию называют реляционной (от relation – отношение). Аристотель, Лейбниц, Гегель и их последователи понимали пространство и время не как самостоятельные сущности, а как системы отношений, образуемых взаимодействующими материальными объектами.

В современной науке реляционная концепция имеет естественнонаучное обоснование в виде созданной в начале XX в. А. Эйнштейном теории относительности, подтвердившей непосредственную связь пространства и времени с движущейся материей и друг с другом.

Теория относительности обнаружила существенную сторону пространственно-временных отношений материального мира, показав, что в природе существует единое пространство-время. Теория Эйнштейна ликвидировала всеобщее, т. е. текущее везде и всегда одинаково, время и поставила его в зависимость не просто от движения, а от скорости. Чем выше скорость, тем медленнее течет время в данной системе по сравнению с другой системой, движущейся с меньшей скоростью.

Фундаментальный вывод, следующий из этой теории, гласит: пространство и материя не существуют без материи, их метрические свойства создаются распределением и взаимодействием материальных масс, т. е. гравитацией. Время не может быть отделено от пространства, и в разных частях Вселенной время течет с разной скоростью. Сама структура пространства-времени зависит от распределения вещества во Вселенной.

Благодаря специальной и общей теории относительности в современную физику вошли такие новые представления о времени, как многомерность, обратимость, замкнутость, разветв-

³² Ньютон И. Математические начала натуральной философии. – Пг., 1915. – С. 30.

ленность, представление о попятном движении во времени, удвоение событий во времени и т. д.³³.

В 80-е гг. XX столетия физики пришли к выводу, что специальная теория относительности не только не отрицает существование частиц, движущихся быстрее света, но и подтверждает его. Подобные частицы получили название тахионов. Гипотеза о наличии тахионов привела к пересмотру временной структуры причинно-следственной связи: цепь событий может иметь как прямое, так и обратное направление (о взаимопревращении причины и следствия в диалектике говорилось давно).

Оригинальное толкование времени содержалось и в трактовке позитрона как электрона, движущегося вспять во времени³⁴. По мнению отечественного ученого Н. А. Козырева, «геометрическое представление о времени является недопустимо упрощенным. Пространство может обладать не только геометрическими свойствами, но у него могут быть и физические свойства, которые мы называем силовыми полями. Поэтому совершенно естественно полагать... что у времени могут быть физические свойства. Благодаря этим свойствам время может воздействовать на физические системы, на вещество и становиться активным участником мироздания»³⁵.

Наибольшую роль в современных представлениях о времени играет модель, построенная в связи с переходом к изучению необратимых процессов (рождение и смерть микрочастиц, радиоактивный распад, теплопередача, трение, диффузия и т. д.). Этот переход вызвал крушение линейно-причинной парадигмы и становление новой (нелинейной, циклопричинной, синергетической). И. Пригожин последовательно развил концепцию внутреннего времени для классических динамических систем с сильной неустойчивостью (это может быть Вселенная, в которой распространяются диспергирующие световые волны, либо химический реактор, в котором идет нестационарная реакция, либо социальная система).

С точки зрения синергетического подхода любая самоорганизующаяся система имеет свой «системный архетип». В течение физического времени в системе происходят различные изменения (фазовые переходы, бифуркации, трансмутации, структурогенез, морфогенез, усложнение, иерархическая перестройка и т. д.), которые порождают собственное время системы. Это время есть выражение динамики изменений системы как целого. Поскольку самоорганизующаяся система проходит через точки бифуркации, и в эти моменты характер поведения системы кардинальным образом изменяется, то и значения времени системы будут меняться³⁶.

Согласно данному подходу, в бифуркационной фазе «прошлое» актуализируется в форме одного из вариантов «будущего», не выбранного и не реализованного в предыдущем развитии системы. Так в каждый момент времени в открытой диссипативной системе происходит сегрегация энтропии, т. е. использование потоков неэнтропии – потоков энергии, освобождающейся в ходе разложения высокоорганизованной материи в низкоорганизованную. Тем самым система владеет информацией о многих состояниях, как прошлых, так и будущих. В течение своей жизни система проходит ряд ключевых бифуркаций, где осуществляется выбор одной из возможных устойчивых ветвей дальнейшего развития системы. Информация об этом моменте переносится до следующей бифуркации, а «что-либо рожденное или сделанное в этот момент обладает свойствами этого момента времени»³⁷. В точке бифуркации существует целая комби-

³³ См.: Хокинг С. Краткая история времени. 2005.

³⁴ См.: Зисман Г. Теория позитрона // Журнал экспериментальной и теоретической физики. 1940. Т. 10. Вып. 11. – С. 1163–1167; Фейнман Р. Квантовая электродинамика. – М., 1964. – С. 90–92.

³⁵ Козырев Н. А. Время как физическое явление // Моделирование и прогнозирование в биоэкологии. – Рига, 1982. – С. 9–74.

³⁶ См.: Штомпель Л. А. Смыслы времени. – Ростов н/Д, 2001.

³⁷ Jung C. G. Commentary on «The Secret of the Golden Flower» // The Collected Works of C. G. Jung. Princeton, 1967. Vol.

нация возможных состояний прошлого и будущего. В будущих состояниях открытых систем генерируется новая информация, в отличие от замкнутых систем, где «будущее» – это деградированное «прошлое»³⁸.

Эта теория объясняет и механизм образования многослойности временных потоков. Поскольку в мире одновременно сосуществует множество открытых систем, и находятся они в разных фазах своего возраста, индивидуального системного времени, постольку мир политемпорален. Разнофазность систем позволяет одной системе использовать диссипативный поток другой системы и ее нерастроченное время: ведь смерть одной системы освобождает темпоральную нишу для другой системы. При этом выстраивается иерархия времен систем различного уровня организации. Обмениваясь свободной энергией или негэнтропией в процессе взаимодействия, системы тем самым обмениваются темпоральными потоками. Таким образом, фаза развития (время) окружающих систем активно влияет на данную систему. Это влияние может приводить к реализации определенных потенциальных возможностей системы, что выражается в изменении характера ее поведения не только во времени, но и в пространстве. Итак, ученые приходят к выводу о существовании поливекторной иерархической метасистемы темпоральных миров, взаимодействующих между собой.

Признание активной роли времени наряду с активной ролью материи становится знаком новой парадигмы. Складывающаяся сегодня синергетическая парадигма заставляет увидеть еще одно свойство времени. Различные события, зачастую кажущиеся несвязанными, могут оказаться синхронными. Эта синхронность приводит к «возмущению», напряжению процессов, находящихся рядом с этими событиями. Возникает некое силовое поле, в которое втягивается все больше событий, которые до этого были безразличны друг другу. Это может привести к усилению или ослаблению, повернуть вспять или ускорить какое-либо социальное изменение.

Синергетический подход открывает новый путь – понимание «присутствия в истории системных связей, способных на резонансное содействие. История и реализуется как синхронизация более или менее спонтанных автономных возможностей»³⁹, наложение множества факторов, которые, усиливая друг друга, порождают конкретную ситуацию⁴⁰.

Во всех основных моделях есть одно общее: время не абсолютно, а относительно и образуется теми длительностями и ритмами, которыми обладают сами вещи и процессы. Это определило необходимость введения понятий специфических времен: биологического, физиологического, геологического, исторического, географического, социального, психологического, политического и т. д.

Различные области действительности, построенные на иных типах взаимодействия составляющих их элементов, обнаруживают и новые свойства времени, что фиксируется в конкретных науках.

Линейность времени современной наукой также поставлена под сомнение. Общество представляет собой переплетение самых разнообразных и разнонаправленных сил и действий, имеющих разный «возраст», находящихся на разных стадиях своего индивидуального развития, демонстрирующих специфическую ритмику и разнофазность. Поэтому реальное время общества складывается из времени субъектов и процессов, принадлежащих различным хроносам.

В политических процессах фиксируются повторяемость, последовательность, ритм и другие характеристики, являющиеся свойствами времени. Многообразный арсенал временных понятий, который используют конкретные науки, исследуя соответствующие реальности (ста-

13. Р. 12.

³⁸ См.: Кузьмин М. В. Экстатическое время // Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 73.

³⁹ Ильин В. В. Постклассическое обществознание: каким ему быть? // Социс. – 1992. – № 10. – С. 40.

⁴⁰ См.: Штомпель Л. А. Смыслы времени. – Ростов н/Д, 2001.

дия, эра, эпоха, период, век, возраст, фаза, цикл, ритм и т. д.), свидетельствует о полиморфичности времени. В XX в. обогащается нелинейное понимание времени: появляются представления о маятникообразном, спиралевидном, волновом движении.

Победа реляционной концепции времени была подкреплена появлением концепции нелинейной эволюции культуры. Нелинейная модель анализа истории, предложенная Ф. Броделем, базируется на концептуальной установке о том, что глобальная история многослойна, и в ней отражается наличие исторической действительности нескольких уровней, каждому из которых свойствен свой временной ритм.

Согласно данной теории, в течении времени взаимодействуют три различных потока – временные протяженности, каждая из которых соответствует определенному глубинному уровню исторической реальности. В нижнем слое господствуют стабильные структуры, основными элементами которых являются земля, человек, космос. Время протекает здесь настолько медленно, что кажется почти неподвижным. Это, по определению Ф. Броделя, очень длительная временная протяженность. Второй слой состоит из реальностей экономической и социальной действительности, которые имеют, подобно морским приливам и отливам, циклический характер и требуют иных масштабов времени. Этими же временными характеристиками отличаются общества и цивилизации. В третьем, поверхностном, слое (политическая, дипломатическая и т. п. история) события чередуются, как волны в море и измеряются короткими временными промежутками⁴¹.

Именно реляционная концепция пространства и времени дала толчок к исследованию разных типов времени, выявлению специфики его протекания в различных системах. В этой связи есть необходимость рассмотреть различные типы времени.

Биологическое время

Положение о том, что реальное время создается движением жизни, лежит в основе учения В. И. Вернадского. Ученый обращал внимание на то, что его понятие биологического времени связано с необратимым процессом деления клеток живого вещества. Живое вещество придает своим размножением и жизнедеятельностью всем биосферным процессам определенную направленность, которая и проявляется в виде хода времени⁴². Согласно выдвинутой Вернадским теории, биологическое время служит показателем состояния *живого вещества* по сравнению с другим его состоянием.

Таким образом, предложено новое понимание времени – биологическое время как свойство и спутник жизни, как свойство живых организмов в масштабе биосферы⁴³.

В продолжение теории биологического времени разрабатываются теории биологических часов, отражающих индивидуальное бытие субъекта. В нашем организме протекает множество периодических процессов, которые выступают в качестве часов и измеряют длительность внешних процессов. Оказывается, что все организмы имеют как бы встроенные внутри себя биологические часы, которые определяют различные жизненные ритмы и их длительность, активность клеток и отдельных органов.

В разное время органы живого организма работают с различной интенсивностью – у них есть свои ритмы. Мозг человека также обладает определенными ритмами своей активности. Существуют так называемые альфа-ритмы, которые характеризуют его активность, – это тоже своеобразные биологические часы. Творец кибернетики Н. Винер высказывал гипотезу, что

⁴¹ См.: Бродель Ф. Структура повседневности: Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – С. 594.

⁴² Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Пространство и время в живой и неживой природе. – М., 1975. – С. 38.

⁴³ См.: Штомпель Л. А. Указ. соч.

именно «тиканье» этих часов составляет основу интуиции времени. Пока точно не известно, какие именно типы часов играют главную роль в интуиции времени, высказывается гипотеза, что у высших животных и человека мозг объединяет в единый сложный часовой механизм самые разные ритмы работы органов.

Биологические часы и ритмы, определяющие жизненные циклы живой материи, генетически заданы. Достаточно распространена теория, которая установила корреляцию чувства времени с состоянием обмена веществ. Высказывается предположение, что, поскольку в связи со старением интенсивность обмена веществ уменьшается, замедляется и ход нашего внутреннего биологического «часового механизма». В молодости он «тикает» быстрее, чем в старости, а значит, с возрастом наши внутренние «секунды» как бы растягиваются. И по причине того, что с ними сопоставляются все внешние события, возникает ощущение ускорения внешнего времени. Именно особенностями биологического времени специалисты объясняют динамичность и агрессивность молодежной культуры – это обусловлено характером физиологических процессов, происходящих в растущем организме.

Воздействие на внутреннее биологическое время человека – пока труднопредсказуемый способ воздействия на организм. Однако известно, что в критических ситуациях организм способен резко увеличивать скорость своего биологического времени, но после критической ситуации часто следует обратная реакция организма («компенсационный откат»), при которой все биологические реакции и биологические ритмы организма замедляются.

Существуют индивидуальное биологическое время человека и внешнее биологическое время человеческого сообщества.

Представители одного поколения имеют одно биологическое время. Это значит, что процессы, связанные с взрослением, возмужанием и старением организма, имеют приблизительно сходную динамику. Даже на протяжении жизнедеятельности одного поколения можно проследить, как постоянно изменяется ритм поведения. Поведение молодых и активных деятелей, стремящихся к ниспровержению «старого» и действующих агрессивно и часто разрушительно, со временем меняется, становится более консервативным и осторожным.

В каждый конкретный период социум представляет собой совокупность нескольких поколений, чьи биологические ритмы различны, а значит, различны и ритмы жизнедеятельности, что предполагает необходимость их корреляции и синхронизации посредством определенных социальных технологий.

«Осевое время»

Наиболее известна концепция «осевого времени» К. Ясперса, поставившего под сомнение правильность выбора системы отсчета летосчисления, определяемой рождением Христа. По мнению ученого, осью мировой истории может быть факт, значимый для всего человечества, а не только для христиан, поскольку «между тем христианская вера – это лишь одна вера, а не вера всего человечества»⁴⁴. Следовательно, эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человечеству стать таким, каково оно есть; там, где шло формирование человеческого бытия, которое независимо от определенного религиозного содержания могло стать основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще, – и тогда для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости. К. Ясперс считал, что ось мировой истории следует отнести, по-видимому, к тому духовному процессу, который шел в период 800 и 200 г. до н. э., когда произошел резкий поворот в истории, и появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время он и называет осевым временем. «В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли

⁴⁴ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – С. 33.

все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда. В философии – в Индии, как и Китае, были рассмотрены все возможности философского постижения действительности вплоть до скептицизма, материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки Илия, Исая, Иеремия и Второисая; в Греции – это время Гомера, философа Парменида, Гераклита, Платона, трагиков Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга»⁴⁵

⁴⁵ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – С. 33.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.